

этого оврага иногда слышались стоны; видимо, кто — то был еще жив, но подходы к оврагу день и ночь бдительно стерегли немецкие часовые.

Но пришло, наконец, освобождение! Около суток длился бой. Моя семья, как и все наши односельчане, прятались в погребе, стрельба и взрывы глухо доносились извне, напоминая громовые раскаты. Почему — то не было страшно, ведь рядом мама — самая надежная защита, а маме не было и 19 — ти.

Но вот бой утих, мы вышли из своего убежища. Первое, что я увидела — это входная дверь нашего дома, вся изрешеченная пулями и осколками. Бабушка долго потом заделывала эти раны глиной. Опора под навесом крыльца разбита в щепы, дед притащил с ближайшего «поля боя» ствол пушки, заменил эту опору. Ремонтровался дом, менялись двери и окна, а «колонна» эта все стояла, не очень — то вписываясь в общий ансамбль постройки. Уже давно в доме никто не живет, он потихоньку разрушается, но этот пушечный ствол только чуть проржавел, а все еще живет, как память о войне.

Вторая картинка воспоминаний из того далека: в освобожденное село вслед за танками ворвались бойцы пехоты — разгоряченные недавним боем, грязные, пыльные, но такие веселые и шумные. Полевая кухня где — то отстала, но в каждом дворе уже пылали костры, грелась вода, кипело какое — то варево. Радость переполняла сердца — пришли наши! Что может запомнить человек в неполные три года? Только то, что как — то поразило его воображение и врезалось в память. Но видимо, эта всеобщая радость встречи каким — то необъяснимым образом передалась и мне. Так и стоят перед глазами эти люди в военной форме, и тот солдат, который угостил меня кусочком сахара из своего вещмешка с прилипшими к нему крошками сухаря. И этот кусочек кажется мне слаще и дороже самой дорогой конфеты. А самое главное — даже дети, даже такие маленькие, какой была я, понимали: теперь — то уж все беды позади, никогда больше немцу не господствовать на нашей земле.

После непродолжительной передышки наши освободители пошли дальше, а у нас началась мирная жизнь. Начала работать почта, и полетели солдатские треугольники, а вместе с ними и похороны. 145 моих земляков не вернулись с фронта, 145 вдов надели черные платки. Но надо было работать, восстанавливать разрушенное хозяйство. К счастью, село не очень сильно пострадало, большинство

домов уцелело, но много семей, оставшись без крыши над головой, жили в землянках еще несколько лет, пока смогли отстроить новое жилье. А в селе, пока шла война, остались одни женщины, старики и дети — вот такая рабочая сила. Дед мой, кузнец, приходил с работы поздно вечером, но и дома работы хватало. После фашистской оккупации, после таких разрушений у людей порой не хватало самого необходимого. А на лугу за огородами лежало несколько сбитых самолетов, так дедушка мой из этих обломков делал необходимое в хозяйстве: чугунки, миски, ложки, сковородки и даже расчески. Плавил этот металл в котелке, сам сделал формы для отливки и мастерил свои изделия иногда даже при свете костра. И мы — дети со всей нашей улицы участвовали в этом процессе. Жаль, не сохранилось ни одного предмета из тех «сервизов». А какое это было подспорье для людей, потерявших все за время оккупации, не успевших спрятать от фашистов ничего из домашнего скарба!

Позже в нашем дворе появилась большая ручная мельница, затем маслобойка. Все это было сработано дедом, собрано из разного утиля, но служило еще долго, даже в первые послевоенные годы. Сколько помню, у нас во дворе постоянно были люди: кто — то молот зерно, кому — то дед отжимал масло из семечек подсолнечника или семян рапса и конопли. Естественно, никакой платы за свои услуги дед никогда ни с кого не брал. Общая беда — война настолько сплотила моих односельчан, настолько сроднила, что казалось, будто это одна большая семья, где главным было — труд, взаимопомощь, взаимовыручка.

И вот, наконец, ПОБЕДА! Этот день запомнился на всю жизнь ярким, солнечным, цветущим. Там, где еще недавно лежали скелеты сбитых самолетов и зияли воронки, цвел золотой ковер одуванчиков. Принаряженные люди спешили к колхозной конторе на митинг. А из открытого окна, из тарелки громкоговорителя уже звучали такие дорогие сердцу «Катюша», «Темная ночь», «Землянка». Люди плакали, смеялись, обнимались. Никакими словами невозможно передать ту всеобъемлющую радость и ликование. День Победы в моей короткой на то время жизни был первым праздником, таковым он остался и до сегодняшнего дня.

Возвращаясь мысленно в те послевоенные годы, не могу вспомнить дня, когда бы кто — нибудь из моих родных или соседей не работал, включая и нас, детей. Казалось, люди спешили скорее залечить